

НЕМЕЦКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ

IX

Deutsche
Philologie

Редакционная коллегия: Г.А.Баева (С.-Петерб. гос. ун-т, РФ), С.В.Буренкова (Омск. гос. технич. ун-т, РФ), К.Вих-Райф (C. Wich-Reif, Рейн. Бонн. ун-т Фридриха Вильгельма, Германия), К.Ганзель (Ch. Gansel, Ун-т Грайфсвальда, Германия), Е.А.Гончарова (Рос. гос. пед. ун-т им. А.И.Герцена, РФ), И.Е.Езан (С.-Петерб. гос. ун-т, РФ), А.А.Масленникова (A. A. Maslennikova, Рочестер. ун-т, США), Л.Н.Неборская (Минск. гос. лингвист. ун-т, Республика Беларусь), С.Т.Нефёдов, гл. ред. (С.-Петерб. гос. ун-т, РФ), М.А.Олейник (Кубан. гос. ун-т, РФ), О.И.Таюпова (Башкир. гос. ун-т, РФ), К.А.Филиппов (С.-Петерб. гос. ун-т, РФ)

Рекомендовано к публикации Научной комиссией в области наук о языках и литературе Санкт-Петербургского государственного университета

В сборнике акцентирован объяснительный потенциал дискурсивно-аналитической методологии для лингвистического анализа текстов и тематико-функциональных типов текста на немецком языке. Тексты рассматриваются не как замкнутые сами на себя образования, а как часть совокупности (дискурсивной формации) тематически и функционально связанных текстов, находящихся в диалогических отношениях друг с другом. При этом, с одной стороны, через анализ лексической, грамматической, композиционно-содержательной, текстово-типологической и т. д. структуры текстов воссоздается материальность соответствующих текстов и типов текста в ее лингвокультурологической специфике на материале немецкого языка. С другой стороны, на лингвистической основе устанавливается сопряженность языковых единиц и структур, таких как маркеры дискурсивной открытости текста, ключевые слова, аллюзивные имена собственные, фраземы, речеактовые глаголы ввода чужой речи, модально-эпистемические компоненты и т. д., с внешними участниками и обстоятельствами общения и моделируется определенный «срез» коммуникации. Дискурсивный ракурс рассмотрения языковых манифестаций дискурсов от словообразовательной морфемы до текста направлен в целом на то, чтобы в опоре на ресурсы немецкого языка представить динамику ценностных и мировоззренческих картин мира, структур коллективного и индивидуального знания, выражении позиции дискурсивных субъектов, действующих словом в коммуникативных практиках.

Ключевые слова: интертекстуальность, немецкоязычный тематический дискурс, прецедентное знание, коммуникативная стратегия, макротекстовый анализ.

The focus of the present issue is on explanatory potential of the discourse analysis methodology as applied for the analysis of German texts and theme-functional text types. German texts are considered by the authors as elements of a corpus (discursive formation) of thematically and functionally related texts which form dialogue relationships with each other rather than enclosed textual structures. However, the researchers draw on the analysis of lexical, grammatical, composition and content-related, textual and typological, etc. text structure to reconstruct material layout of the corresponding texts and text types in their linguocultural specifics as applied to the German language corpus. On the other hand, linguistic ground is employed to establish adjacent relations between linguistic units and structures, namely markers of textual discursive openness, key words, allusion proper names, phrasemes, reporting verbs, modal and epistemic components and others as well as external actors and context of communication. As a result a particular level of communication is modelled. The discursive approach to investigating linguistic manifestations of discourses from the derivational morpheme to the text is based on the linguistic resources of the German language. It is aimed at demonstrating the dynamics of value- and worldview-related 'world pictures', collective and individual knowledge structures, expression of the positions of discursive subjects who act through words in communicative practices.

Keywords: intertextuality, the German thematic discourse, precedent knowledge, communicative strategy, macro-textual analysis.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Е. Езан</i> ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>С. Т. Нефёдов</i> ДИАЛОГИЧНОСТЬ — ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ — ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ	10

І. РЕАЛИЗАЦИЯ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РАЗНЫХ ТИПАХ ТЕКСТА

<i>Е. А. Гончарова</i> РЕЧЕВЫЕ СИГНАЛЫ ДИСКУРСИВНОЙ ОТКРЫТОСТИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА LAUDATIO	19
<i>М. Н. Дмитриева</i> ДИАЛОГИЧНОСТЬ КАК ДОМИНАНТНАЯ КАТЕГОРИЯ ТЕКСТОВ НАУЧНОГО ДИСКУРСА	37
<i>Е. В. Комлева</i> ДИСТАНТНЫЙ ДИАЛОГ АПЕЛЛЯТИВНЫХ ТЕКСТОВ (на материале современного немецкого языка)	51
<i>С. Т. Нефёдов</i> ДИАЛОГ «ИЗВЕСТНОГО» И «НОВОГО»: СТРАТЕГИИ ОПЕРИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫМ НАУЧНЫМ ЗНАНИЕМ	68
<i>Л. Я. Силина</i> КОНТЕКСТ И ИНТЕРТЕКСТ В СОЗДАНИИ И ВОСПРИЯТИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КОНТАМИНАЦИИ (на материале текстов СМИ и рекламы)	91

ІІ. ДИАЛОГИЗМ ТЕКСТОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Г. А. Баева</i> КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПЕРВЫХ ДВУЯЗЫЧНЫХ РАЗГОВОРНИКАХ	110
<i>А. В. Бояркина</i> ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА	131
<i>Л. И. Гришаева</i> МАРКЕРЫ ПРОДУКТИВНОСТИ ДИАЛОГА ТЕКСТОВ И МАКРОТЕКСТОВЫЙ АНАЛИЗ	149
<i>К. А. Филиппов</i> О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНЫХ ДИСКУРСАХ	177

III. АНАЛИЗ СРЕДСТВ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

С. В. Буренкова

АЛЛЮЗИВНЫЕ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В НЕМЕЦКОМ РАЗГОВОРНОМ ДИСКУРСЕ	196
---	-----

А. В. Мельгунова

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ ЛИОНА ФЕЙХТВАНГЕРА «СЕМЬЯ ОППЕРМАН»	212
---	-----

Д. Е. Нифонтова

ФОРМА И ФУНКЦИИ «ЧУЖОЙ РЕЧИ» В РУКОВОДСТВАХ ДЛЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В ГЕРМАНИИ КОНЦА XVIII ВЕКА (на примере «Руководства для молодых путешественников» Й. Г. Хайнцманна, 1793)	230
--	-----

IV. МАРКЕРЫ ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Bettina Bock, K. V. Manerova

REPRODUCTION VON PHRASEMEN IM POLITISCHEN DISKURS (am Beispiel von Zeitmetaphern während der Perestroika und in der deutschen Wendezeit).....	245
---	-----

И. Е. Езан, Е. А. Ковтунова

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО <i>EINHEIT</i> КАК МАРКЕР ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ГЕРМАНИИ	266
---	-----

V. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ POST SCRIPTUM

М. В. Корышев, Е. М. Крепак, Е. П. Иванова, Е. Ю. Зубова, Катя Петерсен

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО ЖАН-ЖАКА РУССО ГЛАЗАМИ КАРЛА ЛЕОНГАРДА: ОТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР К ДИАЛОГУ ИДЕЙ	291
--	-----

ДИАЛОГИЧНОСТЬ — ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ — ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ

Ключевые слова: лингвистическая методология, междисциплинарность, диалогизм, интертекстуальность, интердискурсивность, дискурс, тип текста.

Статья носит ориентирующий характер — она дает читателю представление о теоретических позициях, на которых строят свои исследования авторы настоящего сборника. Концептуально все статьи объединяет коммуникативно-дискурсивная методология. Языковые манифестации дискурсов от словообразовательной морфемы до текста рассматриваются как средства социальной интеракции, очного или заочного диалога речевых субъектов, действующих словом в коммуникативных практиках. Диалогизм жизни и социальной деятельности проецируется на язык. Он наследуется текстами и дискурсами, выявляется в присущих им категориях интертекстуальности и интердискурсивности. Анализ в категориях диалогизма, интертекстуальности и интердискурсивности позволяет вскрыть надтекстовый, дискурсивный и наддискурсивный уровень формирования коммуницируемых смыслов, в которых закодированы структуры социальных отношений в разных сферах коммуникации. Эти отношения проявляются в текстовой материальности дискурсов на разных уровнях: структурно-языковом, содержательно-смысловом, функционально-стилистическом и прагматическом.

S. T. NEFEDOV

Saint Petersburg State University

DIALOGICITY — INTERTEXTUALITY — INTERDISCOURSIVITY

Keywords: linguistic methodology, interdisciplinarity, dialogism, intertextuality, interdiscursivity, discourse, text type.

The article has an orienting character. It gives the reader an idea of the theoretical positions on which their authors base their research. Conceptually, all articles are united by communicative and discursive methodology. Language manifestations of various discourses from a derivation morpheme to a text are considered as means of social interaction, as a face-to-face or absentee dialogue between speech subjects acting with words in communicative practices. Thereby, the dialogue of life and social activity is projected onto the language. It is inherited by texts and discourses and then can be revealed and described in the categories of intertextuality and interdiscursivity inherent in them. The analysis using the categories of dialogism, intertextuality and interdiscursivity allows revealing the supra-textual, discursive and supra-discursive level of the formation of communicated meanings, in which the structures of social relations in different areas of communication are encoded. These relations manifest themselves in the text materiality of discourses at different levels: at the structural, semantic, stylistic and pragmatic one.

1. Специфика современной лингвистической методологии

Одной из главных черт современной лингвистики языковеды-теоретики называют ее ярко выраженный «экспансионизм» [6, с. 207–211]. Это проявляется в двух четко обозначенных тенденциях, радикально изменивших теоретический облик и методологию лингвистики. С одной стороны, в лингвистическом анализе доминируют не чисто языковые объекты — структурные единицы языка и речи, а объекты гетерогенной природы, такие как высказывания, речевые акты или дискурсы. Во внутреннем устройстве этих и подобных объектов языковой компонент хотя и является необходимым элементом, формирующим их материальность, но вместе с тем составляет отнюдь не единственную и даже не главную для анализа часть. Другими обязательными компонентами их организации выступают социокоммуникативное и когнитивное измерения. Именно через эти последние устанавливается сопряженность языковых объектов с внешними участниками и обстоятельствами коммуникации, а также с воспринимающим и интерпретирующим (индивидуальным или коллективным) сознанием речевых субъектов. Так, дискурсы как «открытые — принципиально неограниченные по количеству текстов — тематически связанные формации» (перевод наш. — С. Н., И. Е.) [12, S. 43] не только обладают наблюдаемой языковой материальностью, но и являются вместе с тем ментально-коммуникативными образованиями, в которых фиксируется динамика структур коллективного и индивидуального знания, ценностных и мировоззренческих картин мира, а также воспроизводятся коммуникативные модели получения и обмена этими знаниями и оценками.

С другой стороны, сам лингвистический анализ вынужден адаптироваться к изменившейся объектной реальности. И более того: исследовательским приоритетом он ставит прежде всего задачу моделирования внешнеязыковых идеологических, политических, национально-культурных, профессиональных, межличностных и других отношений, отраженных и зафиксированных в структурах языка. Естественно, что такие исследования, эмпирической основой которых являются языковые формы, требуют соответствующих терминов и понятий, конгруэнтных коммуникативному и когнитивному уровням анализа. Именно поэтому современная лингвистика изобилует многомерными операционными понятиями, такими как *диалогизм, интертекстуальность, интердискурсивность*.

2. Диалогизм

Термины *диалектика*, *диалог*, *диалогизм* пришли из древнегреческой философии [1, с. 7]. Современная теоретическая лингвистика заимствовала понятие *диалогизма* из литературоведения под влиянием широко воспринятой в гуманитарных науках теории «полифонизма» (диалогичности) речевых высказываний М. М. Бахтина [2]. В этом понятии заложена идея взаимодействия в самом широком смысле: речевых субъектов текста друг с другом, автора текста со своими потенциальными оппонентами, воспринимающего сознания читателя с содержанием текста, одного текста с другим. *Диалогизм* буквально пронизывает речетекстовые образования. Он произрастает из глубокой социальности речевых субъектов, осознающих себя частью общего национально-культурного и языкового коллектива и одновременно частью многочисленных формальных (институциональных) и неформальных сообществ, в которых социальные актеры выполняют определенные роли и вступают в диалогические отношения с другими субъектами. «Диалог, — пишет Н. Д. Арутюнова, — организует... внутреннюю жизнь человека, образуя оппозицию *Я — Другой*» [1, с. 8].

Все тексты в явной или скрытой форме, в большей или меньшей степени несут на себе печать *диалогизма*. Они либо сами являются прямыми диалогами, как в канонических ситуациях актуального присутствия коммуникантов в актах речи [8, с. 3–4], либо обладают внутренним *диалогизмом* в силу неустранимой адресованности текста Другому, с которым автор текста вступает в заочный диалог. Особенно наглядно это видно на примере письменных научных текстов. Здесь автор-исследователь целенаправленно инсценирует дискуссию с уже существующими теоретическими позициями других исследователей, чтобы на этом фоне убедительнее обозначить свою собственную точку зрения. При «отвлеченности» от непосредственной ситуации создания текста (ср. введенные Конрадом Элихом в лингвистику научной речи понятия *die zerdehnte Situation*, *die Sprechsituationsentbindung* [13, S. 15]) в научной письменной коммуникации автор-исследователь активно моделирует диалогическое взаимодействие со своим потенциальным адресатом и будущим оппонентом. Это непосредственно проявляется в языковой структуре текстов, в которых — вопреки ожиданиям и устоявшемуся мнению — можно в достаточном количестве встретить формы

исконно диалогической коммуникации: вопросы, эксплицитные и косвенно-эксплицитные побуждения, Я-высказывания [7; 15].

Текст, таким образом, как речемыслительный продукт интегрированного в социум речевого субъекта выступает средством диалога с потенциальным или конкретным целевым адресатом. Это неизбежно, потому что индивидуальное мнение, индивидуальная позиция, чтобы состояться, должны быть заявлены Другим. И более того: личная точка зрения вообще имеет смысл, если она соотносится с коллективно выработанными теориями, мировоззрениями, системами знаний и ценностей. Только в этом случае она может быть оценена и признана интересной, полезной, значимой и так далее.

Внутреннему и внешнему диалогизму текстов разных типов уделяется особое внимание в настоящем выпуске «Немецкой филологии». Ему посвящены две первые части, в которых авторы статей с разных сторон и в разной исследовательской перспективе обсуждают этот языковой, когнитивный и коммуникативный феномен.

3. Интертекстуальность

Идея открытости отдельного текста всем другим текстам нашла широкий научный резонанс и поддержку в гуманитарных науках опять-таки благодаря работам М. М. Бахтина. В лингвистике текста с помощью данного понятия описывается взаимодействие одного текста с другими, ранее созданными текстами на уровне внешней языковой структуры и содержания [11, с. 75]. Как было отмечено выше, современный лингвистический анализ оперирует многомерными категориями и понятиями. *Интертекстуальность* в этом смысле не составляет исключения. Под данную категорию подводятся как языковые средства, с помощью которых устанавливается интертекстуальное взаимодействие текстов (имена авторов текстов, названия текстов, прямые и косвенные цитаты из других текстов и так далее), так и особые смысловые соотношения текстов друг с другом на уровне сюжетных линий, аллюзий, намеков и так далее, приводящих к возникновению в сознании воспринимающего новых текстовых смыслов. Кроме того, К. А. Филиппов, вслед за другими исследователями, особо указывает еще на один тип интертекстуальности — так называемую *текстотипологическую интертекстуальность* [9, с. 28–29], под которой понимается соотнесенность конкретного экземпляра текста с определенной моделью построения некоторой

совокупности текстов — типом текста. Соответственно, данная категория интертекстуальности играет важную роль в типологии текстов и упорядочивает безбрежный мир текстов.

Лингвистическому анализу средств интертекстуальности посвящены статьи третьей части настоящего сборника.

4. Интердискурсивность

В тематических и социофункциональных дискурсах протоколируются выработанные в коммуникативных практиках системы знаний и ценностей и способы оперирования ими. Само собой разумеется, что в социофункциональных дискурсах, таких как политический или научный, эти системы на порядок масштабнее по объему и несравнимо разнообразнее по содержанию, чем в тематических дискурсах. Это уже следует из того, что названные категории дискурсов соотносятся между собой как часть и целое. К примеру, социофункциональный научный дискурс можно представить как *n*-е количество тематических дискурсов, обсуждающих конкретные научные объекты, закономерности, факты. То же самое действительно для политического, официально-делового, религиозного, бытового и всех других глобальных дискурсов; см. классификацию дискурсов, например, у В. И. Карасика [5].

Дискурсы представляют собой многомерные феномены с тремя базовыми измерениями: языковым, когнитивным и коммуникативным. Между дискурсами как ментальными пространствами, в границах которых социальные актеры выражают и коммуницируют идеи, ценностные установки, мировоззренческие и идеологические позиции и так далее, формируются сложные разнонаправленные отношения. В критическом дискурс-анализе отношения между дискурсами подводятся под понятие *интердискурсивности* [14].

Выявление *интердискурсивности* является аналитическим инструментом дискурсивного анализа, обращенным к содержательно-смысловой стороне отношений между дискурсами. Анализ интердискурсивных отношений дает возможность интерпретатору-исследователю выявить и описать, как речевые и коммуникативные субъекты «работают» с разными элементами и целостными системами индивидуально или коллективно созданной и создаваемой ментальности. Особо следует подчеркнуть, что доступ к этим — по большей мере скрытым и глубоко закодированным в се-

мантике языковых знаков — ментальным пространствам, а также стратегиям и процедурам оперирования ими возможен единственно через объективированные продукты речемыслительной деятельности — тексты. Именно из текстов и маркированных для воспринимающего сознания комбинаций языковых единиц извлекаемы особые конфигурации надтекстовых смыслов, индицирующих междискурсивное взаимодействие.

В самом общем виде отношения между дискурсами, как они конституируются речевыми субъектами в социальных практиках, можно свести к трем основным разновидностям.

Первый тип интердискурсивности представляет собой внутреннюю дискурсивность. Последняя отражает внутреннюю динамику в определенном дискурсе в разные временные периоды его существования. В содержательно-смысловом отношении синхронные срезы дискурса — это, по сути, разные дискурсы, поскольку в них представлены различающиеся от периода к периоду системы знаний и ценностей и разные дискурсивные позиции речевых субъектов. Когда в создаваемый новый текст как вербальную манифестацию текущего дискурса включаются фрагменты уже существующих текстов или эксплицитные и имплицитные указания на них, то неизбежно возникает смысловое столкновение между разными синхронными срезами дискурса, поскольку в каждом из них зафиксированы содержательно-смысловые структуры и дискурсивные позиции субъектов, хотя бы минимально отличающиеся друг от друга и от таковых актуального автора. По-видимому, внутренняя интердискурсивность является универсальной чертой любого дискурса.

Другой тип интердискурсивности формируется в результате взаимодействия типичных концептов, прецедентных понятий, стилистических элементов, коммуникативных стратегий и так далее, типичных для одного дискурса, в другой дискурс. По сути, в данном случае имеет место совмещение смысловых кодов и коммуникативных процедур разных ментальных пространств. Включение элементов одного ментального пространства в другой «порядок дискурса» приводит к расширению и углублению смыслового пространства воспринимающего дискурса, как это видно на примере художественной фантастики или научных междисциплинарных исследований.

Наконец, в-третьих, интердискурсивность возникает между типами дискурсов, если происходит «переключение с одной типо-

логической модели текстопроизводства... на другую» [10. с. 229]. Это всегда «игра» устойчивыми семиотическими системами, перекодировка одного «порядка дискурса» в другой. Очень часто трансформация и реконтекстуализация концептов, концептуальных систем, жанров, стилей мышления обнаруживаются в политической и массмедийной коммуникации [3; 4]. Здесь сплошь и рядом институциональный политический дискурс (например, официальные выступления политиков) реконтекстуализируется в форматах разных жанров массмедийного дискурса — например, новостного сообщения или диалога-обсуждения выступления политика с экспертами. Примером интердискурсивности может служить и трансформация медицинского профессионального дискурса в рекламный, когда реклама какого-нибудь лекарственного препарата подается как консультация пациента с лечащим врачом.

В статьях четвертой части сборника феномен интердискурсивности обсуждается на материале ключевых понятий немецкой и российской реальности. На первом плане при этом стоит внутридискурсивная динамика в употреблении изучаемых понятий в политическом дискурсе.

Таким образом, понятия диалогизма, интертекстуальности, интердискурсивности, широко применяемые в практике современных лингвистических исследований, позволяют операционализировать важные элементы знаний об использовании конкретных языков, таких как немецкий, английский или русский, в различных сферах социальной интеракции. На материале немецкоязычных текстов и дискурсов это показано в статьях авторов настоящего сборника.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Слово о диалоге // Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2010. С. 5–9.
2. Бахтин, М. М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 2. М.: Русские словари, 2000. С. 5–175.
3. Езан, И. Е. Цитированный способ передачи информации в немецкой журнальной публицистике // Вестник Омск. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2014. № 3 (4). С. 51–53.
4. Езан, И. Е., Ковтунова, Е. А. Динамические процессы в лексике немецкого политического медиадискурса // Германистика в современном научном пространстве: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 18–19 окт. 2017 г.). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2017. С. 93–100.

5. Карасик, В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. трудов. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

6. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX в. М.: Ин-т языкозн. РАН, 1995. С. 142–238.

7. Нефёдов, С. Т. Темпоральная периферия научного текста (ненарративные функции перфекта и претерита) // Вестник С.-Петерб. ун-та. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. № 1. С. 114–123.

8. Падучева, Е. В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 3–18.

9. Филиппов, К. А. Лингвистика текста и современный анализ устной речи: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2016. 228 с.

10. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М.: Либроком, 2009. 248 с.

11. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2013. 208 с.

12. Antos, G. Texte. Modelle der Erzeugung von Wissen // Studien zur Text- und Diskursforschung / hrsg. von Z. Bilut-Homplewicz, A. Mac, M. Smykala, I. Szwed. Frankfurt a/M.: Peter Lang Verlag, 2010. S. 39–55.

13. Ehlich, K. Deutsch als fremde Wissenschaftssprache // Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache. 1993. Bd. 19. S. 13–42.

14. Foucault, M. The Archaeology of Knowledge, and the Discourse on Language. New York: Vintage Books, 2010. 245 p.

15. Nefedov, S. Fachsprache 'Linguistik' in der universitären Kommunikation: explizite und implizite Autorisierung sprachwissenschaftlicher Texte // Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi = Studien zur deutschen Sprache und Literatur. Bd. 32, Nr. 2. Istanbul: Universität Istanbul Publ., 2014. S. 17–34.

References

1. Arutiunova, N. D. A Word about the Dialogue. *Mono-, dia-, polilog v raznykh iazykakh i kul'turakh*, ed. by N. D. Arutiunova. Moscow, Indrik Publ., 2010, pp. 5–9. (In Russian)

2. Bakhtin, M. M. *Problems of Create of Dostoevsky*. Bakhtin M. M. *Sobr. soch.*, in 7 vols, vol. 2. Moscow, Russkie slovari Publ., 2000, pp. 5–175. (In Russian)

3. Ezan, I. E. The Quoted Way of Information Transfer in German Journalistic Publicism. *Vestnik Omsk. gos. ped. un-ta. Gumanitarnye issledovaniia*, 2014, no. 3 (4), pp. 1–53. (In Russian)

4. Ezan, I. E., Kovtunova, E. A. Dynamic Processes in the Vocabulary of the German Political Media Discourse. *Germanistika v sovremennom nauchnom*

prostranstve: materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Krasnodar, 18–19 okt. 2017 g.). Krasnodar, Kuban. gos. un-t Publ., 2017, pp. 93–100. (In Russian)

5. Karasik, V. I. On Types of Discourse. *Iazykovaia lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs: sb. nauch. trudov*. Volgograd, Peremena Publ., 2000, pp. 5–20. (In Russian)

6. Kubiakova, E. S. The Evolution of Linguistic Ideas in the Second Half of the 20th Century (The Experience of Paradigmatic Analysis). *Iazyk i nauka kontsa XX v.* Moscow, In-t iazykozna. RAN Publ., 1995, pp. 142–238. (In Russian)

7. Nefedov, S. T. Temporal Periphery of the Scientific Text (Non-narrative Functions of Perfekt and Präteritum). *Vestnik S.t-Peterb. un-ta. Seriiia 9. Filologiiia. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, 2015, no. 1, pp. 114–123. (In Russian)

8. Paducheva, E. V. Egocentric Valencies and Speaker Deconstruction. *Vo-prosy iazykoznaniiia*, 2011, no. 3, pp. 3–18. (In Russian)

9. Filippov, K. A. *Text Linguistics and Modern Analysis of Spoken Language: Handbook*. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2016, 228 p. (In Russian)

10. Cherniavskaia, V. E. *Text Linguistics. Poly-codeness, Intertextuality, Interdiscursivity: Handbook*. Moscow, Librokom Publ., 2009, 248 p. (In Russian)

11. Cherniavskaia, V. E. *Text Linguistics. Discourse Linguistics: Handbuch*. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2013, 208 p. (In Russian)

12. Antos, G. Texte. Modelle der Erzeugung von Wissen. *Studien zur Text- und Diskursforschung*, ed. by Z. Bilut-Homplewicz, A. Mac, M. Smykala, I. Swzed. Frankfurt a/M., Peter Lang Verlag, 2010, pp. 39–55.

13. Ehlich, K. Deutsch als fremde Wissenschaftssprache. *Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache*, 1993, vol. 19, pp. 13–42.

14. Foucault, M. *The Archaeology of Knowledge, and the Discourse on Language*. New York, Vintage Books, 2010, 245 p.

15. Nefedov, S. Fachsprache 'Linguistik' in der universitären Kommunikation: explizite und implizite Autorisierung sprachwissenschaftlicher Texte. *Alman Dili ve Edebiyati Dergisi (Studien zur deutschen Sprache und Literatur)*, vol. 32, no. 2. Istanbul, Universität Istanbul Publ., 2014, pp. 17–34.

Нефёдов Сергей Трофимович

профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ, доктор филологических наук

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Sergey T. Nefedov

Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,

Doctor of Philological Sciences

Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: s.nefedov@spbu.ru

SPIN-код: 1464-4148; ResearcherID: J-9445-2015; ID Scopus: 572 11543207;

ORCID: 0000-0002-0719-7702

I. РЕАЛИЗАЦИЯ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РАЗНЫХ ТИПАХ ТЕКСТА

УДК 811.112.2

Е. А. ГОНЧАРОВА

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

РЕЧЕВЫЕ СИГНАЛЫ ДИСКУРСИВНОЙ ОТКРЫТОСТИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА LAUDATIO

Ключевые слова: тип текста, дискурсивная практика, дискурсивная доминанта, мелиоративная оценка, речевой этикет, красноречие.

В статье предлагается интерпретация композиционно-речевых сигналов дискурсивной открытости типа текста *Laudatio*, который имеет в европейской и немецкой культуре достаточно длительную историю в качестве письменной и устной реализации «похвальной речи», входящей в дискурс «Чествование/Награждение». В основе интерпретации лежит, во-первых, подход к изучаемому типу текста как к одной из жанрово-текстовых форм известной со времен античной риторики эпидейктической речи. Композиционно-смысловой стержень этой речи составляют высказывания, содержащие прямую или косвенную мелиоративную оценку чествуемого/награждаемого лица и не столько сообщающие новые сведения об этом лице, сколько формирующие у читателей/публики положительное отношение к нему. Во-вторых, современная методика дискурс-анализа позволяет рассматривать текст лаудации как осуществление определенной «дискурсивной практики», а именно социальной практики (корпоративного) чествования. Сочетание в содержании и форме *Laudatio* таких «дискурсивных доминант», как, с одной стороны, сигналов конвенционального «речевого этикета», а с другой — элокутивных средств авторского красноречия и изобразительности, повышающих степень эмоционально-экспрессивного воздействия текста, определил и две генеральные линии анализа способов формулирования, типичных для этого типа текста. К сигналам «речевого этикета», рассматриваемым в статье, принадлежат формы обращения говорящего к публике и лауреату, а также совокупность средств усиления прагматической активности «субъектной позиции» лауреата — фактического объекта речи. Ораторский «речевой этикет» соблюдается лаудатором и с помощью отодвигания на задний план номинаций и атрибуций собственной персоны. Этому способствуют, среди прочего: цитация реальных высказываний лауреата в форме прямой, несобственно-прямой или косвенной речи; ссылки на его литературно-художественные произведения; высказывания третьих лиц, прямо или опосредованно характеризующие награждаемое лицо.

SPEECH SIGNALS OF THE DISCURSIVE OPENNESS IN GERMAN LAUDATIO TEXTS

Keywords: text type, discursive practice, discursive dominant, ameliorative evaluation, speech etiquette, eloquence.

The article offers an interpretation of compositional speech signals of discursive openness in the *Laudatio* text type, which has a fairly long history in European and German culture as written and oral realization of “praising speech” included into the discourse of Honoring and Awarding. The interpretation is based, first, on the approach to the text type under study as to one of genre and text forms of the epideictic speech known since the ancient rhetoric times. The compositional and meaningful core of this kind of speech is comprised by utterances containing direct or indirect ameliorative evaluation of the honored/awarded person and not so much communicating new information about this person as forming the readers’/audience’s positive attitude towards the person. Second, the modern methods of discourse analysis allow us to treat the *Laudatio* text as one realizing a specific “discursive practice”, namely, social practice of (institutional) honoring. The content and the form of the *Laudatio* is characterized by a combination of such “discursive dominants” as, on the one hand, conventional “speech etiquette” signals and, on the other hand, elocutionary means of the author’s eloquence and figurativeness which increase the emotional and expressive effect of the text. This combination has defined the two main lines of analyzing the way of formulation typical of the given text type. The “speech etiquette” signals considered in the article include the forms of addressing the audience and the laureate (the actual speech object) as well as the complex of means of enhancing the pragmatic activity of the laureate’s “subject position”. The public speaker (*Laudator*) also observes the “speech etiquette” by means of overshadowing the nominations and attributes which refer to the person of the speaker her-/himself. This effect is achieved, among all, by the following means: quoting the laureate’s real utterances in the forms of direct, uttered represented or indirect speech; references to her/his literary works; and third parties’ utterances which characterize the awarded person directly or indirectly.

1. Об истории и эволюции типа текста *Laudatio* в немецкой культуре

Текст *Laudatio*, или *Laudation* (от лат. *laudare* «восхвалять, превозносить»), имеет в европейской и, соответственно, немецкой культуре длительную историю, продолжая оставаться и в наше время общим стандартным обозначением похвальной публичной речи. Подобная речь произносится обычно общественно признанным, авторитетным лицом по случаю присуждения кому-то ученой степени или звания, а также юбилея или награждения с целью

представления публике достижений и достоинств чествуемой или награждаемой персоны. В русской культуре также существует заимствование «лаудация», которое, однако, значительно реже, чем в немецком узусе, используется в качестве обозначения автономного типа текста, заменяясь, как правило, словосочетаниями «приветственная речь», «похвальное слово»¹.

В основе формулирования текста лаудации, уходящего корнями в Античность, лежит так называемая эпидейктическая речь, которая выделялась в риторике Аристотеля наряду с совещательной и судебной речью и понималась как речь, связанная с осмыслением прекрасного и постыдного, добродетели и порока [1, с. 33–41]. В интенциональный план этого вида речи традиционно входят, соответственно, либо похвала, либо порицание, причем не только конкретного — добродетельного или порочного — человека, но и любого другого творения природы или явления из мира людей. При этом убеждающее воздействие на публику любой эпидейктической речи складывается из трех моментов: качества самой речи, нравственности говорящего, настроения и отношения к нему слушателей [1, с. 19–20]. Исходя из вышесказанного, композиционно-смысловой стержень любой эпидейктической речи и, следовательно, текста лаудации как одной из форм ее жанрово-текстовой фиксации составляют высказывания, содержащие прямо или косвенно выраженную мелиоративную либо пейоративную оценку. Суть информации подобных оценочных высказываний состоит не столько в сообщении новых сведений о предмете речи, сколько в формировании у публики соответственно положительного или отрицательного отношения к нему.

К главным особенностям речевых действий автора лаудации как вида эпидейктического текста, фиксируемого в письменной форме и устно воспроизводимого перед публикой, принадлежит далее, с одной стороны, соблюдение определенных правил ораторского речевого этикета, связанных с предписанным общим церемониалом процедуры чествования или награждения лауреатов. С другой стороны, со времен Аристотеля автору лаудации, выступающему в функции оратора, рекомендуется использование «неожиданных суждений и мыслей, которые возбуждают слушателей,

¹ В дальнейшем лексемы *Laudatio* и *лаудация* используются в статье как взаимозаменяемые терминологические обозначения описываемого типа текста.

эмоционально убеждают их, воздействуют на них» [3, с. 19]. А это, в свою очередь, предоставляет речевому субъекту достаточно широкую свободу в творческом выборе риторических и стилистических средств, свидетельствующих о его языковой креативности.

Конвенциональный характер текста *Laudatio* объясняется исторически также и тем, что первоначально он использовался в античности для достаточно ограниченного круга коммуникативных ситуаций: 1) как доброжелательное публичное показание или защитная речь в суде (*laudatio iudicialis*) или 2) как похвальное надгробное слово (*laudatio funebris*). Можно предположить, что говорящий должен был в подобных ситуациях посредством своего выступления создать исключительно положительный образ человека — предмета речи и убедить присутствующих в истинности даваемых положительных оценок. Кроме того, названные коммуникативно-речевые ситуации требовали от говорящего во все времена соблюдения существенных для социума культурных и моральных норм, прагматическая опора на которые повышала бы эффект воздействия его речевого высказывания на слушателей.

Очерченный выше комплекс текстовых характеристик *Laudatio*, созданных традицией, позволяет рассматривать его в логике современного дискурс-анализа как актуализацию определенной «дискурсивной практики», так как он свидетельствует о «предрасположенности членов социума вести себя сходным образом в широком диапазоне ситуаций (на уровне метакоммуникативной рефлексии это выражается фразой «сейчас так принято») [2, с. 31]. Дискурсивная практика, закрепляемая с помощью текстов лаудации, которые формулируются в соответствии с устоявшимися в культурно-историческом и языковом сознании социума нормами и, исходя из этого, содержат в своей композиционно-смысловой структуре ряд определенных «дискурсивных доминант», то есть обязательных коммуникативно-прагматических и лингвостилистических компонентов, «опосредует» на их основе «социальную практику» (корпоративного) чествования (по: [2, с. 27]).

Роль дискурсивных доминант в комплексе традиционных особенностей анализируемого текста играют:

- а) жанрово-речевая (эпидейктическая) «ткань» лаудации;
- б) связанная с ней «пафосная» эмоциональная экспрессивность текстового целого;

- в) очерченный круг коммуникативно-речевых ситуаций, в которых текст создается и в устной форме преподносится публике;
- г) сосредоточенность автора на положительных характеристиках тематического объекта текста.

Сам факт наличия подобных дискурсивных доминант, как и семантика их обозначений, свидетельствуют о том, что формулирование и воспроизводство текстов *Laudatio* не могут не подчиняться, как уже отмечалось, правилам ораторского речевого этикета, конвенционально предписанным общим церемониалом процедуры чествования.

Сказанное выше позволяет, далее, говорить о «дискурсивной открытости» лаудации, то есть о ее функционально-смысловых корреляциях — как с другими текстами церемониала публичного награждения, так и с иными видами риторических текстов, в основе которых также лежит интенция «выражение почтения и/или благодарности» (поздравительное письмо, речь по случаю юбилея и другие). В содержание понятия «дискурсивная открытость» текста *Laudatio* может быть включен и особый характер прагматически «расщепленной» коммуникативно-речевой обращенности лаудатора, с одной стороны, к чествуемому лицу, а с другой — к публике, являющейся обязательной участницей процедуры награждения.

2. Сигналы речевого этикета в структуре текста *Laudatio* и их коммуникативно-прагматические функции

Следование традиционным нормам формулирования и воспроизводства подтверждается наличием в композиции и современных текстов лаудации целого ряда характерных для них «этикетных речевых знаков», или «этикетных формул». Под последними понимаются более или менее устойчивые речевые единицы, принятые в определенных ситуациях речевого общения, прежде всего как средство для установления и поддержания контакта с аудиторией (ср.: [3, с. 313; 5, с. 409–419]). Выполняя в первую очередь функцию вежливости, этикетные речевые формулы одновременно с этим задают характер отношений между оратором и слушателями и настраивают последних на доброжелательное восприятие произносимого текста. Несоблюдение этикетных норм в построении текста

считается нарушением «культуры общения» и «коммуникативной неудачей» или проявлением «бестактности», обозначаемой в риторической традиции как «fauxpas» [7, S. 188 f.].

Роль этикетных речевых знаков в тексте лаудации принадлежит в первую очередь формам приветствия чествуемого лица, а также обращений к нему. Осуществляемый при этом контакт между говорящим (так называемым лаудатором) и лауреатом может иметь два полюса: 1) официально-вежливое отношение, 2) дружеское отношение. Анализ современных немецких текстов *Laudatio* по случаю вручения разнообразных международных и отечественных литературных премий показал, что обращения к чествуемому лицу в абсолютном большинстве случаев построены по формуле: прилагательное *liebe(-r)* + существительное *Herr/Frau* + фамилия ('дорогой/-ая + господин/госпожа + фамилия'). Только в двух текстах были обнаружены модификации этой формулы:

1. В речи, посвященной вручению Эриху Кёстнеру премии имени Георга Бюхнера, автор текста лаудации, известный немецкий писатель и журналист Казимир Эдшмид, в течение всего высказывания последовательно (пятикратно) использует форму обращения *Lieber Kästner* ('дорогой Кёстнер'). Это обращение согласуется с вежливым местоимением *Sie* ('Вы'), что можно считать выражением коллегиальной солидарности и симпатии между двумя литераторами. Подтверждением невозможности для лаудатора выразить «академически серьезное» отношение к Э. Кёстнеру, приличествующее ситуации, служит и весь зачин текста, который построен как риторическая фигура семантико-синтаксической компрессии, дающая в сжатой форме (мелиоративную) оценку квинтэссенции творчества лауреата:

*Lieber Kästner,
es ist nichts schwerer, als mit akademischem Ernst über einen Mann zu reden, der durch seinen Charme ebenso wie durch seine delikat dosierten Satiren viele Menschen heiter gestimmt hat. Diese Heiterkeit in Ihrem Werk wird oft missverstanden* (DASD).

«Дорогой Кёстнер,
нет ничего труднее, чем с академической серьезностью говорить о человеке, который и своим юмором, и деликатно выстроенными сатирическими текстами приводит в веселое настроение многих

людей. Эта веселость в Вашей литературе часто недопонимается» (здесь и далее перевод мой. — Е. Г.).

2. В тексте *Laudatio* по поводу вручения Штарнбергской литературной премии писательнице Петре Морсбах лаудатор Й. Штрассер дважды — в начале и конце текста — обращается к лауреату в форме *Liebe Petra* («Дорогая Петра»), объясняя дружескую не-принужденность обращения, в том числе, собственной близостью к жизни и творчеству героини:

Meine Damen und Herren, liebe Petra!

Es ist das zweite Mal, dass ich eine Laudatio auf Petra Morsbach zu halten habe. Das erste Mal war vor ziemlich genau acht Jahren bei der Verleihung des Marie-Luise-Fleißer-Preises. Die Gründe, sie zu loben, sind inzwischen noch zahlreicher geworden, was die Sache nicht vereinfacht, weil ich mich heute sehr viel kürzer fassen muss als beim ersten Anlass. <...>

Liebe Petra, ich gratuliere Dir herzlich zum Starnberger Literaturpreis (JS).

«Дамы и господа, дорогая Петра!

Сегодня я во второй раз уполномочен произнести похвальную речь в честь Петры Морсбах. В первый раз это произошло приблизительно восемь лет назад по случаю присуждения ей премии Марии Луизы Флейсер. Причин для похвалы лауреата стало еще больше, что не облегчает моей задачи, так как сегодня я должен говорить гораздо более кратко, чем в первом случае. <...>

Дорогая Петра, я сердечно поздравляю тебя с присуждением Штарнбергской литературной премии».

Как видим, второй текст начинается официально-вежливым обращением к публике и продолжается более интимным апеллятивом к лауреату, что свидетельствует об избирательном подходе автора текста к этикетным нормам лаудации и об эмоционально-экспрессивных коннотациях текстового смысла уже в его зачине.

К этикетным нормам текста лаудации можно отнести и особый, задаваемый традицией, характер выстраивания в нем субъектно-объектных прагматических и коммуникативно-речевых отношений. Искусный лаудатор, являясь субъектом речевого действия в виде создаваемого текста, должен быть стратегически настроен на усиление в композиции текста прагматической активности «субъектной позиции» чествуемого лица, хотя тот и является для него формально (тематическим) объектом речи, и отодвигать на за-

дний план композиционно-смыслового построения текста номинацию и атрибуцию собственной персоны. Интенция высказываний от 1-го лица лаудатора, если таковые присутствуют в тексте, всегда состоит в том, чтобы сделать смысловой и эмоциональный акцент — исходя из личного (персонального или читательского) переживания, связанного с лауреатом, — на какой-то важный момент биографии и/или творчества последнего.

Так, в *Laudatio* по поводу вручения 3 сентября 2018 года премии имени Франка Ширмахера Даниэлю Кельману президент ФРГ Ф. В. Штайнмайер подробно рассказывает о своей первой встрече с писателем, которого он считал после восторженного прочтения романа *Die Vermessung der Welt* («Измеряя мир») знатоком и опытным путешественником по Южной Америке. Вставной нарратив о знакомстве с Даниэлем Кельманом имеет форму «анекдота» — не в том значении слова, в котором оно используется сегодня в русской культуре, — а в понимании его как короткой, часто остроумной, истории об известном человеке [6, S. 66]. Как и всякий анекдот, история, которую рассказывает президент, интересна и занимательна. Она имеет и собственный «пуант» (неожиданную развязку), заключенный в краткой реплике из прямой речи виновника торжества. Но главный смысл рассказываемой истории знакомства с лауреатом и интенция лаудатора состоят в том, чтобы подчеркнуть с ее помощью незаурядность натуры и таланта Д. Кельмана, а также глубину и значительность его прозы:

Ich kenne ihn seit vielen Jahren, genau seit 2006. Ich weiß das wie heute, weil ich damals — als gerade frisch ins Amt gekommener Außenminister — vor meiner ersten Lateinamerikareise stand. Und ich suchte nach Rat und Expertise, kurzum: nach jemandem, der sich auf diesem südamerikanischen Kontinent auskannte. Gerade hatte ich mit Begeisterung „Die Vermessung der Welt“ gelesen und hatte ihn gefunden, den Kenner und langerfahrenen Südamerikareisenden Daniel Kehlmann. Ich ließ anfragen und er sagte tatsächlich zu, mitzureisen. Das erste Mal trafen wir beim Abflug in der Flugzeugkabine zusammen. Meine Freude war riesengroß, ich dankte ihm herzlich und gestand, dies — obwohl Außenminister — sei meine erste Reise nach Südamerika. Darauf er ganz trocken: 'Meine auch!' Das war natürlich ein kleiner Schock. Aber auch eine Lehre über die große Empathie und Phantasie eines außergewöhnlichen Schriftstellers. Und meinen ohnehin schon großen Respekt vor ihm hat es noch gesteigert (DBP).

«Я знаю его много лет, если быть совсем точным — с 2006 года. Хорошо помню, как произошло наше знакомство, так как я, незадолго до того вступив в должность министра иностранных дел, должен был впервые посетить Латинскую Америку. И я искал советчика и эксперта, короче, кого-то, кто хорошо знал этот южноамериканский континент. Я только что с восторгом прочитал „Измеряя мир“ и подумал про себя: „Вот он, знаток и опытный путешественник по Южной Америке — Даниэль Кельман“. Я поручил обратиться к нему, и он согласился сопровождать меня. В первый раз мы встретились прямо перед вылетом в кабине самолета. Я был очень рад нашей встрече, поблагодарил сердечно за согласие принять участие в поездке и сознался, что — хоть и являюсь министром иностранных дел — впервые лечу в Южную Америку. На это он сухо ответил: „Я тоже!“ Конечно, это был шок для меня, но, одновременно, и осознание того, насколько велики эмпатия и сила воображения у этого незаурядного писателя, что увеличило мое, и до того большое, уважение к нему».

Описываемая прагматическая «переориентация» субъектно-объектных отношений в тексте осуществляется, помимо уже упомянутых ранее положительных оценок персоны и творчества лауреата и цитации его реальных высказываний в форме прямой, несобственно-прямой или косвенной речи, с помощью ссылок на созданные им литературно-художественные произведения, а также высказываний третьих лиц, прямо или опосредованно характеризующих награждаемое лицо. Так, в интерпретируемой речи Ф. В. Штайнмайера неоднократно появляются реминисценции, связывающие Д. Кельмана с другими широко известными в немецкой и европейской культуре литераторами. Благодаря этому весь текст оказывается пронизанным риторическими фигурами сопоставления, а это, в свою очередь, углубляет историко-культурный контекст речи *Laudatio*:

- (1) *Er ist ein gelehrter Dichter, ein poeta doctus, wie Walter Jens gesagt hätte. Er möchte in der intellektuellen Auseinandersetzung selber klüger werden und macht genau deshalb wieder seine Gesprächspartner klüger (DBP).*

«Он поэт-ученый, *poeta doctus*, как сказал бы Вальтер Йенс. Он хочет через интеллектуальную дискуссию сам стать умнее, и именно поэтому делает умнее своих собеседников».

- (1) *Günter Grass hat sein „Treffen in Telgte“ mit einer Sentenz eröffnet, die auch für Daniel Kehlmann und seinen „Tyll“ gelten kann: ‘Gestern wird sein, was morgen gewesen ist.’ (DBP).*

«Гюнтер Грасс начал свой роман „Встреча в Тельgte“ сентенцией, которая справедлива и по отношению к Даниэлю Кельману и его „Тиллю“: „Вчера будет таким, каким было завтра“».

Манфред Остен, автор текста *Laudatio*, посвященного вручению литературной премии фонда Конрада Аденауэра известному немецкому поэту Вульффу Кирстену, строит практически всю речь на достаточно объемных цитатах из стихотворений поэта, заканчивая и свой текст поэтическим шестистишием лауреата. Лаудатор соединяет фрагменты стихотворений в смысловой композиции текста краткими тематическими «скрепами» в форме словосочетаний, которые также представляют собой «свернутые» цитаты из высказываний В. Кирстена или его стихов. Такие рассредоточенные по тексту цитатные вкрапления знакомят публику с основными лейтмотивами в поэзии В. Кирстена и сгущают смысл других, объемных (в одну-две строфы) поэтических цитат. К ним относятся, например, цитаты-словосочетания: *das ‘schändliche Vergessen’* («постыдное забывание»), *dieses ‘schnödevergessen’* («это „презренное забывание“»), *der ‘dingetotesgedächtnis’*² («мертвая память вещей»). Кроме того, все цитаты можно рассматривать как пошаговое смысловое декодирование заголовка текста лаудации: *Erinnerte Gegenwart und lyrisches Gedächtnis bei Wulf Kirsten* («Вспоминаемое настоящее и лирическая память у Вульфа Кирстена»), который является компримированной аллюзией, соотнесенной со смыслом всей поэзии лауреата. Например:

Wenn wir heute Wulf Kirsten ehren, so ehren wir in ihm einen Dichter, der mit verstörender Konsequenz immer wieder den verborgensten und sublimsten Quellgrund der Lüge hörbar und sichtbar werden lässt. Es ist dies freilich ein besonders tiefer und leise rauschender Quellgrund. Und es ist ein Quellgrund, den wir heute immer weniger wahrnehmen. Wulf Kirsten hat ihn bezeichnet als das „schändliche Vergessen“.

Ein abgründiges Wort. Denn es ist bei Wulf Kirsten verschränkt mit dem Ende aller Humanität. Das heißt, Wulf Kirsten hat es früh und hellsichtig erkannt: wo das Gedächtnis schwindet, beginnt die Barbarei (KAS).

² Орфография оригинального текста.

«Чествуя сегодня Вульфа Кирстена, мы чествуем поэта, который с поразительным постоянством помогает нам увидеть и услышать самый скрытый и незаметный источник лжи. Это, действительно, самый глубокий и самый неслышимый источник. И это тот источник лжи, который мы сегодня все меньше воспринимаем. Вульф Кирстен назвал его „постыдным забыванием“.

Слово-пропасть. Потому что у Вульфа Кирстена оно перекликается с концом всякой гуманности. Это значит, что Вульф Кирстен рано и с полной ясностью осознал: там, где исчезает память, начинается жестокость».

Как видим, смысловым ядром приведенного отрывка лаудации (и далее) является «скрытая косвенная речь» с цитированием только самой значимой части слов В. Кирстена *das schändliche Vergessen* («постыдное забывание»). Подобный способ передачи речи помогает лаудатору встроить в собственные оценочные суждения о творчестве поэта фрагмент из его речи, минимальный в аспекте синтаксиса, но значительный для главной темы выступления, сформулированной в его заголовке.

Профессор Эберхард Леммерт, автор другого текста *Laudatio*, написанного и произнесенного по случаю присуждения звания почетного доктора Берлинского свободного университета Гюнтеру Грассу, также идет в большинстве случаев по пути максимальной компрессии и структурно-семантической ассимиляции цитируемых слов писателя с собственными высказываниями. За счет структурного подчинения слов Г. Грасса «авторскому слову» они приобретают в контексте речи лаудатора смысл риторических аргументов, доказывающих справедливость суждений лауреата:

Günter Grass, für den ich hier zu sprechen habe, hat allerdings bereits mit dem ersten Satz einer Vorlesung über 'Schreiben nach Auschwitz' seine Frankfurter Studenten am eigenen Beispiel davor gewarnt, 'zwischen Widersprüchen sesshaft' zu werden. Mit wenigen Strichen zeichnet Grass dort vor einer Generation die extremen Bedingungen, unter denen seine Generation sich zurechtzufinden hatte (GW).

«Гюнтер Грасс, которому посвящено мое сегодняшнее выступление, уже в первом предложении своей лекции о „Литературе после Освенцима“ на собственном примере предупреждал франкфуртских студентов об опасности „застрять между противоречиями“. В этой лекции Грасс несколькими штрихами рисует молодому поколению

картину экстремальных условий, при которых его поколение должно было найти свое место в жизни».

Приведенные выше примеры показывают, что — независимо от способа передачи «чужого слова» (слов самого лауреата или третьих лиц) — в прагматическом плане оно всегда вводится в «авторское слово» лаудатора с целью аргументирования комплиментарного смысла текстового целого и углубления его культурно-исторического контекста.

3. Дискурсивные функции элокутивных средств красноречия и изобразительности в тексте *Laudatio*

Конвенциональные требования, предъявляемые к тексту лаудации, не исключают, однако, как уже отмечалось выше, использование индивидуально-стилистических средств, мотивируемых желанием автора создать оригинальное по мысли и форме высказывание и повысить его риторическую выразительность, соответствующую торжественности коммуникативно-речевой ситуации и ожиданиям публики. Автор должен, с одной стороны, владеть знанием о конвенциональных правилах построения этого типа текста, а с другой — «уметь играть с ними, сознательно нарушать их, обогащать личными интонациями и, может быть, даже создавать новые, которые станут ориентиром для других»³. Игра эта обусловлена прежде всего потребностью автора текста в привлечении внимания и воздействии, не в последнюю очередь эстетическом, на публику. Лаудатор осознает, что и чествуемый лауреат, и остальные слушатели хотят получить удовольствие от обращенной к ним речи, поэтому он не может не учитывать при ее формулировании «красоту» и изобразительность языкового выражения, его наглядность и эмоциональную экспрессивность, которые рождаются благодаря необычному, креативному, использованию языковых единиц и оригинальному построению текста.

К сигналам авторской креативности, наиболее часто встречающимся в композиции и архитектонике *Laudatio*, принадлежат в первую очередь тропы и риторические фигуры речи (некоторые из

³ «...um so dann mit ihnen spielen zu können, bewusst von ihnen abzuweichen, sie um einen persönlichen Akzent zu bereichern, vielleicht sogar neue zu schaffen, die für andere einen Orientierungsrahmen anbieten» [7, S. 186].